

УДК 82.09.091

М.С.СМОЛЯКОВА

«В НЕМ ГОВОРИТ НАМ РУССКАЯ ДУША...» (С.Н.Булгаков об А.С.Пушкине)

С.Н.Булгаков не был первым, кто попытался философски осмыслить такое уникальное явление русской культуры, как А.С.Пушкин. Тайну творчества великого поэта, тайну его духа, тайну личности разгадывали в эпоху религиозно-культурного ренессанса конца XIX—начала XX вв. Вл.Соловьев, Д.Мережковский, В.Розанов, С.Франк, И.Ильин. В их работах намечались пути познания Пушкина как "выразителя духа нации". Со своих философско-религиозных позиций рассматривал эту проблему Булгаков. Он выделил в ней необычный аспект: трагедия Пушкина и трагедия русского народа.

Определение "трагическое" появилось рядом с именем Пушкина в статье Булгакова "Моцарт и Сальери" (1918). Тогда он писал о драматическом шедевре Пушкина, художественно исследуя проблему "талант и высший нравственный закон". К личной судьбе поэта Булгаков обратился в 1937 г. в работе "Жребий Пушкина", приуроченной к столетию его смерти. Это было последнее литературно-критическое выступление Булгакова. Небольшое, в сущности, по объему, оно подводило итог его многолетним размышлениям об искусстве, о природе и назначении художественного таланта, о народности литературы. Причем от частного, от обсуждения трагической судьбы конкретной творческой личности он шел к общему, к выводам о судьбе русского народа. Поэтому понять рассуждения Булгакова в "Жребии Пушкина" возможно, лишь возвращаясь к его трудам предыдущих лет, где вышеназванные вопросы находили подробное теоретическое обоснование.

Философско-религиозная эстетика Булгакова была изложена в его работе "Свет Невечерний" (1917). Из всех видов преобразующей деятельности человека наибольшее значение философ придавал искусству, поскольку оно наиболее

близко подходит к мудрости Бога и вследствие этого сложно распознавать Красоту. Но, постигая высший смысл и истину бытия, искусство связано с нашим грешным миром, в котором оно бессильно что-либо изменить. По сути, оно есть выражение вечного поиска Красоты, Бога, с одной стороны, и бессилие быть с Ним – с другой. Следовательно, искусство по своей сути трагично, – считает Булгаков.

Философскую трактовку категории трагического Булгаков дал в статье "Русская трагедия" (1914). Она означала, с его точки зрения, состояние человека, "оторвавшегося" от Бога и падшего мира вообще. Трагическое, считал он, проистекает в жизни человека из его свободы и борьбы не с внешними обстоятельствами, а с самим собой. Свобода сопрягается с миром личности, с внутренним выбором добра или зла, причем компромисса, полувыбора быть не может.

Важнейшую характеристику трагического – катарсис – Булгаков рассматривает как нравственное очищение, возможное только через религиозное возрождение человека, т.е. через возвращение его к Богу. Следовательно, трагическое, по Булгакову, не безысходно. И в жизни отдельной личности, и в судьбе народа и страны он усматривал высший смысл. Согласно оптимистическому христианскому учению о грядущем Царстве Божием, Булгаков доказывал, что "в движении к запредельной цели возможен только перерыв, но не остановка. По слову Апостола: "не имамы бо зде пребывающего града, но грядущего взыскуем" [1, т. 1, с. 21].

Поскольку высокое искусство по своей природе религиозно и трагично, оно не может быть безыдейным, – доказывал Булгаков. Э то же время оно должно находить адекватную высокой идее форму выражения. При этом Булгаков подчеркивал в "Русской трагедии", что форма, эстетика важна, "лишь пока она зовет к спасающей Красоте, а не отвлекает от нее, не завораживает, не обманывает [2, с. 502]. Здесь же он поставил проблему "двух видов красоты", обсуждение которой продолжалось в последующие годы в литературно-критических выступлениях и богословских трудах и завершилось в статье "Жребий Пушкина".

Булгаков не раз писал о "красоте этической" и "красоте эстетической". Он предупреждал об опасности как для художника, так и для публики возможной подмены в "двух видах красоты": "красоты Мадонны" "красотой Содомы". Форма, не освященная религиозной идеей, отражает распад творческой личности, а публика получает не произведение искусства, а "маревое и наваждение". Гениальный художник знает, что источник Красоты на небесах, что она от Духа Святого, а потому он понимает, в чем истинное назначение его творчества. Но, если он допускает грех измены этому назначению, трагедия его личной и творческой судьбы неизбежна.

Великим поэтом называет Булгаков Пушкина. "В нем самооткровение русского народа и русского гения", – пишет он [3, с. 270]. Гениальность его как художника прежде всего в том, что, "будучи менее всего философом по складу своего ума, Пушкин являлся мудрецом относительно поэзии как служения Красоте" [3, с.280]. Конечно, Булгаков приписывает Пушкину свое понимание сущности и назначения искусства, когда говорит, что он "твердо знал, что поэзия приходит с высоты и вдохновение от Бога". Но, понимая масштаб его таланта, Булгаков называет его обладателем Божественного дара прозрения Высшей Идеи. "Веленью Божию, о муза, будь послушна" – эти пушкинские слова и его стихотворение "Пророк" служат критике доказательством того, что поэт понимал творчество как служение и послушание, наложенное на него самим Богом.

В 1911 г. в статье "Человек и художник" Булгаков писал о том, что гармония деятеля искусства со своим божественным даром достигается лишь в том случае, когда он "религиозно спокоен". В "Жребии Пушкина" Булгаков проследживает путь поэта к этой гармонии. В нем, по мысли автора статьи, отразились идейные и духовные искания русской интеллигенции XIX в.

Пушкин принадлежал к "культурному слою старинного русского дворянства". Поэтому, вынужден признать Булгаков, его религиозность долго была "барски поверхностной", "с непреодоленным язычеством сословия и эпохи" [3, с.278]. Автор статьи не мог удержаться, чтобы не упрекнуть Пушкина в том, что он не "приметил" Оптиной пустыни с ее старцами, ничего не написал о Тихоне Задонском, что не состоялась его встреча с великим современником – преподобным Серафимом. Но Булгаков тут же объясняет, что на мировоззрение Пушкина, как и на образованных людей его времени, отрицательное влияние оказало французское Просвещение XVIII в. с его эпикурейством, вольтерианством, религиозным неверием. Именно в увлечении просветительскими идеями Булгаков усматривает источник "разлитой в тогдашнем обществе революционности" и "юношеского героизма" Пушкина. Декабристам он не прощает "интеллигентскую утопичность и барскую беспочвенность". Следуя логике Булгакова, можно было ожидать его неприятия вольнолюбивой лирики Пушкина. Однако он высоко отзывается о ней, поскольку усматривает во многих его стихотворениях, начиная "Деревней" и кончая "Памятником", связь идей "свободолюбия" с "народолюбием". Именно "народолюбие" Пушкина обусловило в пору его зрелости... духовное возвращение на родину, конкретный историзм в мышлении, почвенность" [3, с.278]. Другими словами, преодоление западного влияния, возврат к русским духовным ценностям – все это позволило Пушкину понять "значение православия в исторических судьбах русского народа" и обрести "почву", "русскость".

В рассуждениях Булгакова о "беспочвенности" декабристов и "русскости" Пушкина прочитываются мысли, высказанные им в статье "Героизм и подвижничество" (1909), вошедшей в знаменитый сборник "Вехи". В ней он обвинил русскую интеллигенцию в оторванности от национальных корней, что поставило ее в "позицию героического вызова и героической борьбы" не только по отношению к общественному строю, но и к истории, и к вековым традициям своей страны.

В "Жребии Пушкина" Булгаков доказывал, что "великому сыну России" "был свойственен свой личный путь и особый идеал – предстояние перед Богом в служении поэта". Именно божественный дар таланта помог Пушкину преодолеть и нигилизм, и разрыв с родной историей и со своим народом. Осознание творчества как "священного и страшного" служения небесной Красоте сделало Пушкина подвижником. А подвижники, писал Булгаков в 1909 г., находят "духовное здоровье и восстановление сил лишь у ног Спасителя" [4, с.342].

Гениальность Пушкина в его прозрении, в егоприятии единственно возможного идеала. Это и связало его с народом, чьим идеалом был "Христос и его учение, а норма – христианское подвижничество" [4, с.336–337].

Но Булгаков, бывший свидетелем двух революций 1905–1907 и 1917 гг., изгнанный из Советской России "за контрреволюционную деятельность", слетивший из своего эмигрантского "далека" за событиями на родине, не мог не знать, что русский народ из богоносца превратился в богоборца, что победу над ним одержал тот самый "смарадный грех" и "злая татарщина", о которых он предупреждал в "Героизме и подвижничестве". И не небесной Красотой, а бесовской соблазнили, в итоге, его соотечественники, разрушая храмы, сжигая иконы, перечеркивая собственную историю. Конечно, в 1937 году он

понимал, какую трагедию переживала Россия и ее народ. Но еще в 1906 г. в "Очерке о Ф.М.Достоевском" Булгаков писал, что русскому народу "в его великих и безмерных исторических страданиях, в этой Голгофе его истории, в крестном его пути, а есть ли иной путь, ведущий ко Христу?" – предназначается трагическая судьба. "Но за погромом революции и в ее муках" Булгаков все-таки призывал "угадывать тайну грядущего преображения" [5, с.201, 217]. Судьба Пушкина как именно русского гения была не только примером, но и залогом этого преображения.

К трагедии привела поэта подмена высшей, небесной Красоты земной, бесовской. О существовании "двух видов красоты" знал, по-своему, конечно, и Пушкин, который являлся одновременно служителем красоты, как ее пленником, – замечает Булгаков [3, с.280]. "Отношение в нем между поэтом и человеком в поэзии" привело к трагическому противоречию, – считает он. Пушкина на его земном пути подстерегала земная красота, "а страсть к ней в земных воплощениях таит трагедию и смерть" [3, с.284]. Булгаков повторяет бытовавшее в его время расхожее мнение, что Н.Н.Пушкина была равнодушна к творчеству гениального своего мужа, из нее не получилась хозяйка и хорошая мать, а призвание состояло в том, чтобы быть "царицей балов".

Соблазнившись красотой земной, продолжает Булгаков, Пушкин как поэт стал утрачивать духовный источник творчества, "несмотря на то, что в его распоряжении оставались все художественные средства его поэтического дара, вся палитра красок". Налицо трагическая вина поэта, которая привела к смерти физической. Однако смерть стала победой духа небесного над "бесовским". Погибнув сам, он не стал убийцей, не нарушил заповедь "не убий". Простив перед смертью всех врагов своих и "приняв напущение церковное", "на смертном одре поэт-христианин ... снова поднимается до просветления пророка, через смерть восходя к духовному воскресению..." [3, с.298]. В духовном преображении Булгаков усматривает катарсис, просветляющий конфликт "двух видов красоты" и разрешение трагической судьбы Пушкина.

Этот отрывок, однако, заслуживает более внимательного прочтения. "Погибнув сам, он (Пушкин – М.С.) не стал убийцей", – пишет Булгаков. А если бы поэт убил Дантеса? Как бы отнесся к этому факту автор статьи? Ответ на этот вопрос мы находим в его работе "Моцарт и Сальери". "Гений и злодейство – две вещи несовместные", – сказал Пушкин устами Моцарта. Эту фразу в духе своей философско-эстетической концепции интерпретировал Булгаков. Гений-убийца "совершает духовное самоубийство". Его ждет известная судьба: "шед удавился" [6, с.51]. "Духовное самоубийство" в том смысле, что, совершив преступление, творческая личность сама разрывает связь с Богом. Она лишается божественного дара, и гений перестает быть гением.

Здесь же прозвучало слово "пророк". В толковом словаре В.И.Даля оно трактуется как "озаренный Богом провозвестник, кому дано откровение будущего" [7, т. 3, с.505]. В понятие "пророк" Булгаков вкладывал двойной смысл: истолкователь воли бога и предсказатель будущего. Поэт, считал автор статьи, верно угадал сущность искусства, и, пройдя все искушения на своем земном пути, он не изменил делу служения истинной Красоте, той, что от Духа Святого.

"Трагическая гибель явилась катарсисом его трагической жизни, очищенная и свободная вознеслась душа Пушкина", – пишет Булгаков [3, с.288]. Смерть и победа над смертью, "смертию смерть поправ", духовное воскресение – вот смысл этого катарсиса. В нем Булгаков усмотрел "самооткровение русского народа". Пушкину, считал он, выпал пророческий жребий – показать личной судьбой путь к духовному воскресению нации, который лежит через

обретение утраченного в ходе исторических катаклизмов единственно возможного идеала Добра и Красоты.

Такая точка зрения на роль Пушкина в нашей истории и культуре многим современникам Булгакова казалась неправомерной. С выводами, прозвучавшими в его статье, не согласился, например, Вл. Ходасевич. Он счел "исторически неверной" схему духовной жизни Пушкина. Ходасевич был против отождествления поэта с пророком, что приводило, по его убеждению, к непомерно завышенным требованиям, предъявляемым к творческой личности. "Падения творческого не было по той причине, что пророком Пушкин не был и таковым себя не мнил. Зато не было и катарсиса в том смысле, как о нем говорит Булгаков", – заключает оппонент автора "Жребия Пушкина" [8, с.492].

Анализ суждений Ходасевича о Пушкине выходит за рамки данной работы. Следует, однако, отметить, что он снизил пафос обсуждаемого вопроса. Трагическое, в понимании Ходасевича, не имело, как у Булгакова, мирового, глобального смысла. Но сам масштаб личности "великого сына России" диктовал Булгакову столь высокий уровень осмысления его судьбы человека и поэта.

Конечно, Булгаков стремился в этических и творческих устремлениях Пушкина найти прежде всего аргумент в пользу своей религиозной философии, доказывающей непреложность и вечность христианского идеала. Критика в этом смысле можно упрекнуть в субъективизме. Но нельзя не признать, что руководила им любовь к поэту. Религиозный философ и богослов о.Сергий Булгаков был прав в главном: поэзия Пушкина будет нужна людям во все времена. Ей суждено играть роль путеводительного компаса, по которому искусство и общество должны сверять свои идеи и свою жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Булгаков С.Н.** От автора // Два града: исследования о природе общественных идеалов.: В 2 т. – М., 1911. – Т.1. – С. 5–25.
2. **Булгаков С.Н.** Русская трагедия // Сочинения: В 2 т. – М., 1993. – Т.2. – С.499–527.
3. **Булгаков С.Н.** Жребий Пушкина // Пушкин в русской философской критике. – М., 1990. – С.270–289.
4. **Булгаков С.Н.** Героизм и подвижничество // Сочинения в 2 т. – М., 1993. – Т.2. – С.302–343.
5. **Булгаков С.Н.** Очерк о Ф.М.Достоевском. Через четверть века (1881–1906) // Тихие думы. – М., 1996. – С.187–216.
6. **Булгаков С.Н.** Моцарт и Сальери // Тихие думы. – М., 1996. – С.46–51.
7. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1978–1982.
8. **Ходасевич В.** Жребий Пушкина // Пушкин в русской критике. – С. 488–497.